

Надпись на камне — эпизод 4 из 4

Вскоре по заводу и деревням разговор прошел, что на берегу Синарского нашли неизвестного убитого человека. Следствие приехало, народ согнали, — не признает ли кто убитого? А как признать, коли все лицо в лепешку разбито и одежды никакой. По волосам, говорят, признать можно было. Заметные они были, — срыжа-черные. Да разве кто скажет? Боялись, поди-ко.

Кончилось это дело, а тут оба объездчика, которые с палачом Шарла выслеживали, потерялись. Их сильно и не искали. Видно, большой надобности в них не было. Объявили их беглыми, послали, куда надо, разыскные бумажки, только и всего. Ну, а потом и главного зотовского палача не стало. Не стало и не стало, и следов нет. Зотов тогда опять велел весь лес и дороги обыскать. Потом и по озерам с неводами пошли. Из нашего Синарского всех троих и вытащили. По разным местам с камнями спущены оказались.

Объездчики, видать, убиты неожиданным нападком: один ножом в спину против самого сердца, другой — пулей в затылок. Ну, а у этого доверенного зотовского палача по-другому. Лицо у него не задето. Сразу признать можно. Зато на спине живого места не осталось. Видно, что прутьями его забивали, и не один либо двое, а навалом хлестали. Кто это сделал конец зотовскому палачу, так и не дознались, за всех ответила шарлова жена. Ее Зотов велел тут, у Синарского, намертво кнутьями бить.

— Сказывай, — кричит, — кого подговаривала?

А кого она могла подговаривать, коли запертой сидела. С той поры, как ее от мужа увели, она, может, и людей-то посторонних не видала... Как тень, сказывают, стала.

Не выдержала, конечно, женщина, умерла, а девчоночку ихнюю добрые люди воспитали. Выросла она, замуж за нашего заводского вышла, да недолго прожила, и тоже девчоночку после себя оставила. Моей-то покойной жене эта шарлова дочь бабкой доводилась. От жены я и слышал эту побывальщину. Песенку моя покойница пела про Шарла-то, как он на чужой стороне через любовь пострадал. Жалостливые такие слова, нежные, только я их забыл...

Домой возвращались по потемкам. Зеркало уральской феи под луной отливало холодным, мертвенным блеском. Пугали неожиданные всплески крупной рыбы. В них, в этих всплесках, чудились отголоски той звериной жизни, о которой только что рассказывал старый Никитич. Так же вот взметнулась

щука, и не стало веселой серебряной рыбки — неведомого французского художника, от которого осталось лишь имя Шарль, и то переделанное на Шарло.

Обратную дорогу молчали. Только Никитич, отвечая, видимо, на свои мысли, проговорил:

— Недолговекие они... Кровь слабая...